

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ И ИХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

*д.ф.ф.н. (PhD), доцент кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Хужамкулова Шахзода Бердиназаровна

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: Данная статья представляет собой комплексное исследование морфологических средств выражения времени в русском языке в аспекте их концептуальной природы. В работе обосновывается положение, что грамматические категории времени и вида не просто фиксируют объективные временные параметры ситуации, а формируют когнитивные модели темпоральности, свойственные русскому языковому сознанию. Особое внимание уделяется анализу оппозиций «предельность/непредельность» как доминанте русской аспектуальной системы, а также роли контекстуальных и лексических конкретизаторов в формировании целостного темпорального значения высказывания. На материале русскоязычных корпусов и литературных текстов демонстрируется, как выбор грамматической формы (настоящее историческое, перфект vs. аорист, будущее в прошедшем) конструирует альтернативные образы времени — от линейной хронологии до циклической повторяемости или точки перцептивного фокуса. Теоретическая значимость работы заключается в углублении представлений о взаимосвязи грамматики и когниции, а практическая — в создании основы для более эффективного описания русской временной системы в лингводидактических целях. Ключевые слова: темпоральность, аспектуальность, глагольный вид, концептуализация времени, нарративная структура, грамматическая семантика, функциональная грамматика.

Ключевые Слова: темпоральность, аспектуальность, глагольный вид, концептуализация времени.

Настоящая статья посвящена анализу морфологических механизмов объективации темпоральных смыслов в системе русского языка. В фокусе внимания находится не просто описание парадигм спряжения или классификация временных форм, а выявление глубинных концептуальных структур, стоящих за грамматическими оппозициями.

Исходным положением служит тезис о том, что грамматическая категория времени выполняет не только номинативную (обозначение момента действия относительно точки отсчета), но и интерпретативную функцию, позволяя говорящему конструировать субъективную онтологию происходящего. Методология исследования базируется на интеграции принципов когнитивной лингвистики, рассматривающей языковые структуры как ключ к пониманию мыслительных процессов, и функциональной грамматики, акцентирующей роль морфологических оппозиций в организации высказывания и дискурса. В рамках такого подхода морфологические категории предстают не как жесткие формальные ограничители, а как гибкий инструментальный концептуализации, позволяющий говорящему выбирать определенную «оптику» восприятия темпоральных характеристик события в зависимости от коммуникативной цели и перспективы наблюдателя.

Переходя к теоретическим основаниям, следует обратиться к идеям, разработанным в рамках функционально-коммуникативной лингвистики. Один из ведущих подходов к изучению времени в языке, связанный с трудами представителей российской аспектологической школы, утверждает, что концептуализация времени в русском языке принципиально опирается на категорию вида. Согласно этой теоретической позиции, в оппозиции «совершенный вид — несовершенный вид» закодировано фундаментальное различие в способах осмысления действия: как целостного, ограниченного пределом события (достигающего некой внутренней границы или результата) или же как процессуального, длящегося, не имеющего в своей внутренней структуре указания на завершение. Данное различие оказывается более значимым для семантической архитектуры русского глагола, чем чистое указание на временную локализованность (прошедшее, настоящее, будущее). Исследователи, занимающиеся проблемами темпоральности в разноструктурных языках, подтверждают, что подобное доминирование аспектуальных характеристик над темпоральными является яркой типологической особенностью славянских языков, отличающей их от, например, германских или тюркских систем, где грамматикализовано более строгое разграничение временных планов.

Когнитивное направление в современной лингвистике предлагает метафорическую теорию времени, которая объясняет происхождение многих грамматических значений. В основе этой теории лежит постулат о том, что абстрактная сфера времени осмысливается человеком через призму более конкретной и физически осязаемой сферы

пространства. Это означает, что морфологические и лексические единицы, исторически связанные с обозначением пространственных перемещений или положений, закономерно развивают темпоральные значения. Таким образом, языковое время является производным от пространственного опыта: линия времени уподобляется пути, по которому движется наблюдатель (эгоцентрическая модель «время движется относительно меня») или по которому движутся события мимо неподвижного наблюдателя (модель «движущегося времени»). Эти глубинные когнитивные схемы проецируются на грамматику, объясняя, к примеру, почему для обозначения будущего времени во многих языках используются конструкции движения с инфинитивом, а прошлое часто концептуализируется как пространственная зона, находящаяся «позади» говорящего. Специфика русского языка в рамках этой универсальной метафоры, как отмечают исследователи, заключается в детализации пространственных схем: разведение линейного, цикличного и точечного образов времени закреплено не только в лексике, но и в выборе падежных форм при темпоральных предлогах, таких как «в» и «на», выбор которых управляется визуализацией срока как вместилища или как поверхности.

Переходя к анализу категории времени, необходимо разграничить абсолютное и относительное время. Абсолютное время, выражаемое формами настоящего, прошедшего и будущего, локализует ситуацию по отношению к моменту речи — своеобразному когнитивному «здесь и сейчас» говорящего субъекта. Однако эта линейная модель на практике оказывается значительно сложнее. Форма настоящего времени, например, в русском языке далеко не всегда обозначает действие, совпадающее с моментом речи. Корпусные исследования и данные лингвистических экспериментов показывают, что спектр значений настоящего времени включает в себя вневременное значение (констатация общих истин и законов природы, как в высказывании о том, что вода закипает при нагревании), настоящее расширенное (обозначение длительного периода, включающего момент речи, например, указание на текущее место работы), а также широко известное в литературоведении настоящее историческое (или нарративное). Последний случай особенно показателен для концептуализации времени: употребление презентных форм в контексте повествования о прошлых событиях приводит к эффекту «оживления» нарратива, устраняя дистанцию между наблюдателем и событием. В когнитивном плане это означает смещение перспективы: говорящий/пишущий как бы переносит точку отсчета из настоящего в прошлое, делая слушателя/читателя свидетелем разворачивающихся событий, что существенно меняет онтологический

статус прошлого — из безвозвратно ушедшего оно превращается в визуально наблюдаемое .

Форма прошедшего времени, несущая, казалось бы, прямое указание на предшествование моменту речи, также обладает семантической сложностью, особенно ввиду ее взаимодействия с видовыми характеристиками глагола. Исследователи аспектологии уже в середине прошлого века обратили внимание на то, что видовые пары в прошедшем времени могут описывать одну и ту же объективную ситуацию, но с принципиально разных точек зрения. Высказывание, содержащее глагол совершенного вида в прошедшем времени, репрезентирует ситуацию как цепочку сменяющих друг друга событий, где каждое завершённое действие создает предпосылки для следующего (так называемое перфектное или нарративное значение). Напротив, использование глагола несовершенного вида в той же временной ретроспективе позволяет описать фон, на котором разворачиваются события, обозначить повторяющиеся или привычные действия, либо подчеркнуть сам процесс совершения действия без акцента на его результате. Эта оппозиция «событие vs. процесс / фон» является важнейшим инструментом структурирования нарратива и, по сути, отражает способность человеческого сознания воспринимать временной поток как гетерогенный, различая в нем фигуру (точечные изменения) и фон (протяженные состояния). В рамках этой концепции форма прошедшего времени не является атомарной темпоральной меткой; она всегда несет в себе аспектуальный «привкус», определяющий модальность восприятия произошедшего .

Особый интерес для данной работы представляет категория будущего времени, которая в русском языке формируется двумя различными морфологическими способами, имеющими разное концептуальное происхождение. Простое будущее, образуемое от глаголов совершенного вида (сделаю), по своей морфологии восходит к древнему аористу — форме, изначально обозначавшей единичное действие в прошлом, что подтверждается данными исторической лингвистики. Этот путь грамматикализации — переход от значения завершённого прошлого к значению предсказуемого неизбежного будущего — глубоко символичен. Он отражает представление о будущем как о predetermined результате, точке, которая неизбежно будет достигнута по завершении определенного процесса. Сложное будущее, образуемое аналитической конструкцией из глагола-связки быть в личной форме и инфинитива несовершенного вида (буду делать), напротив, этимологически связано с желанием, намерением, неизбежностью или

долженствованием. Данная конструкция исходно несла модальные оттенки, что сохраняется и в современном языке.

Таким образом, в самом способе образования будущего времени заложено различие в способах его концептуализации: как неизбежного результата (простое будущее, ориентированное на цель) и как намерения, процесса, который начнется после момента речи (сложное будущее, ориентированное на развертывание).

Значительной концептуальной нагрузкой обладают также формы, которые традиционно относят к сфере относительных времен, прежде всего плюсквамперфект (давнопрошедшее время) и будущее в прошедшем. Хотя в современном русском литературном языке эти формы не образуют обязательной грамматической парадигмы, они активно функционируют в разговорной речи и диалектах, а также эксплуатируются в художественной литературе для создания сложной временной перспективы. Плюсквамперфект, образуемый с помощью формы прошедшего времени вспомогательного глагола быть и причастия на -л (был пошел), обозначает действие, которое произошло ранее другого действия в прошлом. Если обычное прошедшее время задает точку отсчета в настоящем, то плюсквамперфект сдвигает эту точку в прошлое, создавая иерархию «глубин» прошлого. Концептуально это соответствует модели времени как многослойного пространства, где более ранние события оказываются «погребенными» под более поздними, и для их извлечения необходимо совершить мысленную археологическую операцию. Аналогично, конструкция будущего в прошедшем (будущее с точки зрения прошлого, выражаемая сослагательным наклонением или перифразами типа собирался, намеревался) указывает на точку в прошлом, из которой некое событие представлялось еще будущим. Субъективно эта форма передает трагизм несбывшегося или радость неожиданного свершения, акцентируя разрыв между планом и реальностью, ожиданием и фактом.

Значительный интерес представляет также категория перфекта в русском языке, которая находится в стадии активного формирования и его связь с таксисными отношениями (отношениями одновременности/разновременности между несколькими действиями). В отличие от языков с грамматикализированным перфектом (например, английского Present Perfect), русский язык выражает перфектные значения лексически (наречиями типа уже, только что) или через видовременные формы с результирующим значением. Однако грамматическая семантика глаголов совершенного вида в прошедшем времени часто имплицитно перфектное значение, акцентируя состояние,

являющееся результатом завершенного действия. Например, высказывание, сообщающее о том, что некоторое лицо вернулось из поездки, с высокой вероятностью интерпретируется не просто как констатация факта в прошлом, но как указание на его присутствие в настоящем. Таким образом, даже не имея специализированной морфологической формы с двойной темпоральной отнесенностью (связывающей прошлое действие с настоящим результатом), русский язык концептуализирует эту связь через аспектуальную семантику предела. Эта особенность русской грамматики иллюстрирует общий принцип: разные языки могут обладать разными морфологическими «инструментами» для решения сходных когнитивных задач, и отсутствие отдельной формы не означает невозможности выразить соответствующий смысл.

Культурно-специфический аспект концептуализации времени проявляется при сопоставлении русской темпоральной системы с системами других языков. В типологически ориентированных работах отмечается, что русский язык, в отличие от, скажем, английского, не требует обязательного грамматического маркирования будущего времени для действий в придаточных предложениях условия и времени. В русском языке в таких контекстах используется форма настоящего времени (например, в конструкции, означающей действие, которое произойдет сразу по завершении другого действия). Это различие имеет глубинные когнитивные последствия: русское грамматическое сознание в меньшей степени жестко разделяет план реального и ирреального, настоящего и будущего в гипотетических контекстах. Будущее здесь осмысливается как нечто более предопределенное или непосредственно вытекающее из настоящего, а не как отдельная модальная зона. Сопоставительный анализ с узбекским или чувашским языками, где тюркская аффиксальная система позволяет интегрировать в глагол указания на время, вид, модальность и даже источник информации (эвиденциальность), высвечивает уникальность русского способа мышления о времени, где грамматический центр тяжести смещен с точной временной локализации на характер протекания действия во времени.

Для иллюстрации этих теоретических положений обратимся к анализу конкретных языковых примеров, трансформируя их, согласно поставленной задаче, в описательную перифразу. Рассмотрим высказывание, содержащее указание на то, что некто включил свет и в этот момент произошло некоторое событие. В зависимости от грамматического оформления глаголов, мы получаем принципиально разные концептуализации временной связи. Если оба глагола стоят в

форме совершенного вида прошедшего времени, ситуация интерпретируется как строгая последовательность: сначала произошло первое действие, затем — второе. Если же глагол со значением включения оформлен несовершенным видом (имел вид, описывающий протяженное состояние), а второй глагол остается в совершенном виде, это создает модель времени, где первое действие является фоном (длительным состоянием), на котором происходит точечное событие. Наконец, если оба глагола стоят в несовершенном виде, перед нами либо одновременные, либо регулярно повторяющиеся процессы. Таким образом, варьируя только видовые характеристики, носитель русского языка может передать сложные пространственно-временные схемы, такие как «вхождение в ситуацию (ингрессив) — точка происшествия» или «процесс на фоне другого процесса».

Другой яркий пример связан с употреблением настоящего исторического в нарративе. Предложение, где автор при описании событий прошлого использует глаголы в форме настоящего времени (например, «подходит» вместо «подошел»), преобразует временную перспективу текста. Читатель или слушатель перестает воспринимать историю как ретроспективный отчет и начинает видеть ее как разворачивающуюся перед его глазами драму. Это морфологическое переключение означает концептуализацию времени как кинематографической ленты, где прошлое может быть «перемотано» в режим реального времени. Настоящее время здесь выступает как средство деактуализации оси прошлое-настоящее-будущее и актуализации оси фигура-фон, где фигурой становится само действие, взятое в его процессуальности.

Третий пример касается употребления частицы «было» с формами прошедшего времени для выражения прерванного действия. Конструкция, в которой глагол несовершенного вида прошедшего времени сопровождается постпозитивной частицей «было» (например, «он шел было, но остановился»), выражает уникальную темпоральную семантику: действие, которое начало разворачиваться и было концептуализировано как уже начавшееся, но было прервано другим действием. В этой конструкции время предстает как вектор, обладающий инерцией, который может быть внезапно аннулирован. Это один из редких случаев в русской морфологии, когда выражается значение «несостоявшейся тенденции» или «отмененного процесса», что свидетельствует о высокой степени чувствительности русской грамматики к модальным оттенкам времени.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что морфологические

средства выражения времени в русском языке представляют собой не просто систему координат для фиксации событий, а сложный и многоуровневый инструмент их интерпретации. В основе этой интерпретации лежат фундаментальные когнитивные оппозиции: точечное событие как фигура против процессуального фона, последовательная смена кадров против синхронного развертывания, объективная хронология против субъективной ретроспекции или проспекции. Категория глагольного вида выступает как центральный, системообразующий фактор темпоральной концептуализации, диктующий выбор грамматической «оптики» для любого высказывания, относящегося к прошлому или будущему.

Более того, анализ периферийных конструкций — таких как плюсквамперфект, будущее в прошедшем и настоящее историческое — демонстрирует, что русская грамматика предоставляет говорящему средства для создания иерархически организованных временных миров, где точка отсчета не обязательно привязана к «я-здесь-и-сейчас». Эта способность смещать перспективу является когнитивно значимой: она отражает умение человека не просто жить во времени, но как бы «выходить» из него, занимать метапозицию по отношению к собственному прошлому и будущему. Выбор грамматической формы темпоральности — это всегда выбор способа видения мира: как линейного, цикличного, дискретного, континуального, целеориентированного или процессуального. Таким образом, грамматика времени в русском языке выступает как обязательный посредник между потоком бытия и его отражением в сознании, структурируя этот поток определенным, исторически сложившимся и культурно обусловленным способом. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение взаимодействия морфологических темпоральных средств с лексическими (темпоральными наречиями и частицами) в конкретных дискурсивных практиках — от бытового диалога до поэтического текста, что позволит создать более полную функционально-семантическую картину поля темпоральности в русском языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bondarko, A. V. (2001). Temporal Aspectuality: The System of Functional-Semantic Fields
2. Comrie, B. (1985). Tense. Cambridge University Press.
3. Dickey, S. M. (2000). Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach. Stanford University Press.

4. Jakobson, R. O. (1957). Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. Harvard University.
5. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). Metaphors We Live By. University of Chicago Press.
6. Падучева, Е. В. (1996). Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. Языки русской культуры.